

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-45-57>

Пищевой код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Ирина Викторовна Якушевич

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, sa1107@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

Аннотация. Статья посвящена номинациям вина, рыбы, мяса и первого блюда как компонентам пищевого кода в романе «Мастер и Маргарита». Знаковая природа и обусловленность национальным культурным наследием позволяет определить пищевой код как систему слов-символов. Цель исследования – соотнести символическое значение номинаций еды в христианском мировоззрении с их авторской интерпретацией. За единицу анализа взята лексико-семантическая группа с общей семой 'еда', где каждое слово является означающим «А» символа. Означающее вербализовано в ближайшем контексте в виде слова, словосочетания, предложения и обозначено буквой «Б». Результатом исследования является система символов-дублеров, чье означающее многократно варьируется в словах разных лексико-семантических групп, а означаемое остается общим и представлено всего четырьмя символическими значениями: 1) 'смерть или болезнь'; 2) 'человек и его душа'; 3) 'порок'; 4) 'жертва'. Кроме символов-дублеров символический смысл в тексте маркируют слова с диффузным значением, скрытые в тексте фразеологизмы, градационные однородные ряды, семантический параллелизм предложений, библейские аллюзии на тему трапезы. Такая продуманная символическая система передает главный смысл приезда Воланда в Москву – наказание порока, когда «каждому будет дано по его вере».

Ключевые слова: пищевой код, символ, лексико-семантическая группа, означающее, означаемое, символическое значение, символ-дублер, библейская аллюзия

Благодарности: выражаю благодарность А. В. Бекетовой.

Для цитирования: Якушевич И. В. Пищевой код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 45–57. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-45-57>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The food code in "The Master and Margarita" by M. A. Bulgakov

Irina V. Yakushevich

Moscow City University, Moscow, Russia, sa1107@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3053-7530>

Abstract. The article considers wine, fish, meat, and the main dish names as components of the food code manifested in the novel "The Master and Margarita". The food code can be defined as a system of words-symbols due to its semiotic nature and dependence on the national cultural heritage. The research aims to correlate the symbolic meaning of food names in the Christian worldview with their interpretation suggested by the writer. The unit of study is the lexical-semantic group (LSG) with the common seme 'food'. Each word in this LSG is the signifier "A" of the symbol. The signified is verbalised in the immediate context in the form of a word, phrase, or sentence and is marked with the letter "B". The result of the study is a system of double symbols. Their signifier varies substantially in the words belonging to different lexical-semantic groups. The signified of such double symbols remains unchanged and is represented by only four symbolic meanings: 1) 'death or illness'; 2) 'man and his soul'; 3) 'vice'; 4) 'victim'. In addition to double symbols, the symbolic meaning in the text is expressed by words with a vague meaning, phraseological units concealed in the text, climax homogeneous series, semantic sentence parallelism, biblical allusions to the repast theme. This elaborate symbolic system conveys the key point of Woland's arrival in Moscow, i. e. punishing vice when "it will be given to each one according to his faith".

Keywords: food code, symbol, lexical-semantic group, signifier, signified, symbolic meaning, double symbol, biblical allusion

Acknowledgements: I express my gratitude to A. V. Beketova.

For citation: Yakushevich I. V. The food code in "The Master and Margarita" by M. A. Bulgakov. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(3):45–57. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-45-57>.

Введение. Понятие культурного кода широко используется в лингвистике, поскольку языковое декодирование феноменов национальной культуры, к которым принадлежит и знаменитый роман М. А. Булгакова, — одна из приоритетных современных исследовательских задач. Изучение пищевого кода в отечественном языкознании восходит к этнографическим трудам И. П. Сахарова и Д. К. Зеленина¹. Современная лингвокультурологическая и этнолингвистическая интерпретация культурного кода отражена в работах Н. И. Толстого [Толстой 1982], С. М. Толстой [Толстая 2007], Д. Б. Гудкова, М. Л. Ковшовой [Гудков, Ковшова 2007], В. В. Красных [Красных 2003] и др.²

Культурный код в самом обобщенном и простом понимании этого термина — «система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [Гудков, Ковшова 2007: 9]. Признание культуры семиотической системой [Лотман 2007: 31, 32] и знаковая природа культурного кода неизбежно отправляют нас в область семиотики. В данном исследовании мы понимаем под пищевым кодом художественного текста знак, который имеет означающее в качестве материального носителя и означаемое — некий смысл, приписываемый означающему. В схеме культурного

кода Н. И. Толстого такая структура соответствует логическому субъекту и предикату [Толстой 1982]. С. М. Толстая указывает на двойственность означающего. С одной стороны, это вещный носитель кода: продукт питания, изображение снеди на картине, запах и, наконец, слово. Носителем вербального кода является звуко- или букворяд языковой единицы. С другой стороны, предметная (иначе «субстанциональная») природа культурного кода — «единицы смысла... которые соотносятся с разными материальными воплощениями этого смысла» [Толстая 2007]. Это не сама еда, а ее образ, понимаемый нами достаточно узко как ментальный результат чувственного восприятия предмета или явления [Жинкин 1964]. В такой интерпретации С. М. Толстая называет культурный код «концептуальным», т. е. означающее пищевого кода в тексте — это слово (или словосочетание) как единство звуко-буквенной (субстанциональной) оболочки и чувственного образа, а пищевым этот код мы будем называть именно в концептуальном смысле, подразумевая общее значение 'еда'.

Наличие прочной, обусловленной национальным мировоззрением связи означающего и символического значения и делает единицы языка носителями культурного кода [Красных 2003]. По нашему мнению, понятие культурного кода идентично понятию «символ» вообще и вербализованному символу в частности в силу знаковой структуры, гетерогенного вещного воплощения чувственного образа (графически, мимически, ритмически, вербально и пр.) и наличию вторичного, символического значения. Безусловно, речь идет не об одном символе, а о «системе взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определенному языковому сообществу исторически обусловленное миропонимание» [Карасик 2009: 4]. Цель исследования — рассмотреть номинации еды в романе «Мастер и Маргарита» как систему символов, соотнеся общекультурное символическое значение еды в дохристианском и христианском мировоззрении с ее трансформацией в авторском замысле М. А. Булгакова.

Методы и материалы исследования. Для анализа символической системы «еда» обратимся к семантико-семиотической структуре символа: А→Б [Якушевич 2012: 72–73].

¹ См.: Сахаров И. П. Сказания русского народа / под ред. О. А. Платонова: в 2 т. М.: Институт русской цивилизации, 2013; Зеленин Д. К. Приготовление пищи // Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. С. 116–160.

² См. также: Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 600 с.; Пименова М. В. Коды культуры и проблемы классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь, 2007. С. 79–85; Юрина Е. А. Словарь русской кулинарной метафоры: принципы отбора материала и структура словарной статьи // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 3(15). С. 70–78; Канелюшник Е. В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 345. С. 11–14; Маркина Л. В. О семантике бранных обозначений человека в современной диалектной коммуникации // Филологический сборник: в честь юбилея проф. Л. И. Осиповой. М.: ВивидАрт, 2015. С. 95–102.

Означающее А. В нашем исследовании означающее символа представлено лексико-семантической группой слов одной части речи, объединенных общей архисемой. Выбор именно этой единицы исследования соответствует двум свойствам культурного кода — гомогенности и системности, которые охватывают как означаемое, так и означающее [Толстая 2007]. Гомогенность лексико-семантической группы ‘еда, питье’ обеспечивается общностью указанных архисем, а системность — всей семантической структурой парадигмы. Для анализа мы выбрали только четыре лексико-семантические группы: «Вино и водка», «Рыба», «Мясо и птица», «Первое блюдо».

Означающее Б. Это результат древнего мифологического переосмысления означающего. Первое и самое главное символическое значение еды — ‘здоровье и жизнь’. Так, в русской пословице *Живем да хлеб жуем* значение слов *жить* и *жевать* сближается не только при помощи союза *да*, но и рифмы³. В ряде диалектных слов со значением ‘еда’ внутренняя форма обусловлена производящим корнем *-жи-*: *жизница* (‘средство для пропитания’), *жило* (‘перебродившее пиво, брага, тесто’), *житник* (‘пирог, хлеб, печенье, лепешка из ячменной муки’)⁴.

И в языческом, и в христианском мировоззрении частотное другое символическое значение — ‘еда как божья забота’. Эта мысль отчетливо звучит в русской пословице: *Даст Бог день — даст и пищу*⁵. В Псалме 103 прославляется Бог, который «произращает траву для скота, и зелень на пользу человека, чтобы произвести из земли пищу» (Пс. 103:14)⁶. Как и что именно ест человек, служит в Библии показателем благочестия или, наоборот, греховности человека. Любая трапеза без думы о Боге и без благодарности ему за повседневную пищу, а также чрезмерное насыщение ею свидетельствуют о грехе. Напротив, воздержание от пищи

(например, в пост) говорит о нравственной добродетели⁷. Итак, второе значение символа «еда» — ‘почитание Бога’.

Третье значение противоположно первому: ‘еда как смерть’. На амбивалентную природу символа указывал П. Флоренский: единство противоположностей и есть истинное значение символа [Флоренский 1986: 125]. Гносеологическая природа символа такова, что посредством чувственного образа он стремится познать предельные границы неведомых для человека метафизических иррациональных начал — жизни и смерти — и поэтому в тексте может иметь противоположные значения [Якушевич 2012: 74]. В христианской традиции еда связана со смертью в том случае, если человек не чтит Бога, совершает грех (доминанта Ветхого Завета). В «Книге Иова» читаем: «Если сладко во рту его зло, и он таит его под языком своим... то эта пища его в утробе его превратится в желчь аспидов внутри его» (Иов. 20: 14). Пророк Илия предсказал идолопоклонникам наступление засухи, которая принесет голод, и назвал это гневом Божиим (3 Цар. 17: 1). В русском языке связь сем ‘смерть’ и ‘еда’ следует, например, из этимологического значения слова *яд*, которое восходит к старославянскому *ъстѣ*⁸.

Четвертое значение — пища как жертва — является основополагающим символом Нового Завета: «Ибо плоть моя истинно есть пища, кровь Моя истинно есть питье» (Ин. 4:32). Вкушая хлеб и вино — символическое тело и кровь Христа, — человек становится сопричастным его жизни и смерти: «Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем» (2 Кор. 4:10). Этимологически слова *жрать* и *жертва* являются однокоренными⁹.

Пятое значение антропоморфно: еда и питье в организме человека отождествлялись с ним самим. В Ветхом Завете

³ Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991. С. 118 (Жуков-1991).

⁴ Словарь русских народных говоров: в 49 т. / под ред. Ф. П. Филина. Т. 9: Ерепеня— Заглазеться. Л.: Наука, 1972. С. 172, 174, 190.

⁵ Жуков-1991. С. 44.

⁶ Здесь и далее цит. по: Библия онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/> (дата обращения: 10.10.2022).

⁷ Словарь библейских образов / ред. Л. Райкена, Дж. Уилхойта, Д. Рейда. СПб.: Библия для всех, 2005. С. 310–311 (СБО).

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1987. С. 18 (Фасмер-1987).

⁹ Топоров В. Н. Еда // Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2008 (Советская Энциклопедия, 1980). С. 354.

частотны антропоморфные метафоры: *вино, кровь виноградных ягод* (Втор. 32:14); *кровь гроздов* (Быт. 49:1); *живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино, чрево твоё — ворох пшеницы...* (Песн. 7:3). Итак, означаемое символа «еда» имеет пять значений: 1) «жизнь, здоровье»; 2) «почитание Бога», 3) «болезнь, смерть», 4) «жертва», 5) «человек».

Анализ. В тексте романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» означаемое А пищевого кода-символа выражено словами той или иной лексико-семантической группы с общей семой «еда». Означаемое Б развернуто в «описательных формах» разного формата — от слова и словосочетания до сверхфразового единства [Халикова 2020: 52].

Вино. Слово *вино* самое частотное в романе, встречается 25 раз, *водка* — 17 и почти во всех случаях является либо предвестником болезни (смерти), либо кодирует тот или иной порок. За единицу описания символов возьмем фрагмент текста, где вербализованы и означаются А, и означаемое Б.

1. Вино мастера → «болезнь мастера». Перед тем как сжечь роман, мастер нашел бутылку белого *вина* (А), откупорил *ее* (А) и, стал пить *вино* (А) из горлышка. В этот момент мастер осознает свою болезнь: *Я лег заблевающим (Б), а проснулся больным (Б)... Со мной случилась беда (Б)... Я возненавидел этот роман, и я боюсь (Б). Я болен (Б). Мне страшно (Б).* Означаемое *вино* отождествляется с болезненным состоянием мастера, переданным словами *беда, боюсь, болен, страшно*. Симптомы болезни — искаженное страхом и судорогой лицо — не один раз возникают во время его разговора с Бездомным. М. А. Булгаков называет мастера *больным*, когда герой предстает перед Воландом в квартире № 50: *Больной (Б) опустил голову и стал смотреть в землю угрюмыми больными (Б) глазами.*

В этом же эпизоде и Маргарита пьет вино в решимости рассказать своему мужу об измене и уйти от него: *Я объяснюсь с ним завтра утром, скажу, что я люблю другого (Б), и навсегда вернусь к тебе.* Означаемое выражено предикативной частью *я люблю другого* и указывает на грех прелюбодеяния.

2. Пролитое вино → «рак и смерть Сокова». Буфетчик Соков в гостях у Воланда и его свиты в квартире № 50 опрокинул на

себя вино перед тем, как узнал, что болен раком: *Буфетчик... опрокинул себе на брюки полную чашу красного вина (Б).* Пролитое из чаши вино — древний эсхатологический ветхозаветный символ Божьего гнева: верша суд, Бог отправляет грешников на погибель, принуждая испить чашу¹⁰. Чуть позже Воланд предложит Сокову вина: *Чашу вина? (А) Белое, красное?* Упоминание вина в эпизоде с нечестным буфетчиком — предсказание его скорой смерти: *Умрет он (Б) через девять месяцев, в феврале будущего года, от рака печени (Б) в клинике 1-го МГУ, в четвертой палате.* Означаемое *вино* и означаемое *умрет от рака* связаны между собой причинно-следственными отношениями по той же схеме, что и в примете.

3. Кровавая лужа вина → 1) «грех Пилата» (Б1); 2) «кровь (смерть) Иешуа» (Б2); 3) «вина Пилата» (Б3): *У ног прокуратора простиралась неубранная красная, как бы кровавая, лужа (А) и валялись осколки разбитого кувшина.* Во-первых, как и в предыдущих эпизодах, пролитое вино символизирует грех, который будет назван Иешуа и озвучен Пилату Аффранием: *...в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость (Б1).* Эпитет *кровавый (Б2)* многократно осложняет символ, подключая не только новозаветное значение смерти Христа как жертвы¹¹, но и значение *вины*: пролитая кровь убитого преследует убийцу до самой смерти (Иез. 35:6, Притч. 28:17, Мф. 27:24–25). В тексте романа это состояние выражено в сочетании *пала тоска (Б3)* и в несобственно-прямой речи прокуратора: *Ему ясно было, что сегодня днем он что-то безвозвратно упустил (Б3).*

Две белые розы, утонувшие в красной луже, и разбитый кувшин — символы-дублиеры. Символом-дублером мы называем такой символ, у которого означаемое совпадает, а означаемое — разные перцептивные образы. В данном случае речь идет сразу о трех символах-дублерах, указывающих на смерть Иешуа: красное вино, разбитый сосуд и две белые розы. В Екклесиасте разбитый кувшин — антропоморфный символ человеческой смерти (Ек. 12:1–7). Красная роза в католической церкви традиционно

¹⁰ СБО. С. 1306.

¹¹ СБО. С. 567–568.

символизирует Христа. Белая же роза в античности считалась символом смерти и загробного мира. Недаром в Древнем Риме проходили розарии – весенний праздник роз, когда особенно почитали умерших и украшали их могилы¹². На этот праздник в Ершалаиме указывают стены роз на мраморной лестнице, сорванные и унесенные на балкон прокуратора цветы. Значение ‘смерть’ подчеркнуто четным числом роз и выражено словом *смерть* в устах Пилата: *Вы сами установили, что **смерть** (Б2) пришла?*

Но белые розы – это еще и христианское прощение, о котором в Книге пророка Исаии сказано как о превращении красного в белое: «Тогда придите – и рассудим, говорит Господь. Если будут **грехи** ваши, как багряное, – как снег убелю...» (Ис. 1:18). Значение прощения есть в глаголе *не винит*, употребленном Иешуа и переданном Афранием Пилату: *...не **винит** (Б) за то, что у него отняли жизнь*. В своем сне прокуратор уверен, что *казни не было! Не было! (Б)*. Вот в чем прелесть этого путешествия вверх по лестнице луны. Прощение даровано Пилату спустя 2 тыс. лет: за него уже *попросил (Б) тот, с кем он так стремится разговаривать*. В свете этого символического значения иначе воспринимается *белый плащ с кровавым подбоем*.

4. Цекубское вино Пилата и Афрания → ‘смерть Иуды’. Во время обеда после казни Иешуа Пилат и Афраний пьют вино, договариваясь об убийстве Иуды: *густое красное вино (А); прихлебывая вино (А); не отказался и от второй чаши вина (А); отлили немного вина (А)... в блюдо с мясом*. На фразу Афрания: *...это – не «Фалерно»?* – прокуратор отвечал: *«Цекуба», тридцатилетнее*. Замена М. А. Булгаковым вин не случайна: фалернское вино считалось янтарно-желтым [Афинея 2003: 39], в то время как цекубское – белым, но при длительном хранении приобретало огненный цвет, о чем писал древнегреческий врач Гален в трактате «О хороших и плохих соках». По всей видимости, М. А. Булгакову были важны и долгая выдержка, и кровавый цвет напитка, символизирующего смерть. Выпитое вино не просто означает убийство Иуды,

а предвосхищает его: между означающим и означаемым снова возникают причинно-следственные отношения. Означаемое выражено словосочетанием *бездыханное тело: **Бездыханное тело** (Б) лежало с раскинутыми руками*.

5. Вино жителей Ершалаима → 1) ‘смерть Иуды’; 2) ‘жертва’. Возвращаясь во дворец после убийства Иуды, Афраний заглядывал в окна жителей Ершалаима: он *мог видеть людей за столом, на котором лежало мясо козленка, стояли чаши с вином (А) меж блюд с горькими травами*. Означающее *чаши с вином* – символическая иллюстрация уже совершенного убийства Иуды. Жертвенный козленок – символ-дублер: Иуда был принесен в жертву поздно раскаявшемуся Пилату. В Библии рассказывается, что на Пасху каждая семья должна принести в жертву годовалого ягненка или козленка и его кровью помазать перекладину и косяк двери, а мясо испечь и съесть с пресным хлебом, не ломая костей животного (Исх.12).

6. Вино Воланда → 1) жертва; 2) ‘смерть и прах’. На балу в чаше Воланда, сделанной из черепа Берлиоза, – жертвенная кровь барона Майгеля. Это причастие наоборот: власть над душами доносчиков, предателей [Поздняева 2007: 100]. В Библии об этом сказано: «Только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа» (Втор. 12:23).

Однако Маргарита пьет уже превращенную в вино кровь: *Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья (А)*. Означающее выражено метонимическим перифразом *виноградные гроздья*. Это вино становится средством развенчания героини как королевы бала: вместо гостей она видит только прах: *Тление (Б2) на глазах Маргариты охватило зал, над ним потек запах склепа (Б2)*. Означаемое выражено словами *тление* и *склеп*, включающими сему ‘смерть’.

7. Водка Рюхина, Лиходеева, Босого, винный бассейн Воланда → ‘порок’. Водка в романе приобретает символическое значение ‘порок’, которое отражено и в Библии: «вино и напитки завладели сердцем их» (Ос. 4:11–12); «не упивайтесь вином» (Еф. 5:18); «Вино – глумливо, сикера – буйна, и всякий, увлекающийся ими, неразумен» (Притч. 20:1).

¹² Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия. М.: Локид; Миф, 1997. С. 140.

Рюхин пил водку в Грибоедове после того, как отвез Ивана Бездомного в клинику Стравинского и увидел, что его приятель совершенно здоров: *Рюхин всмотрелся в Ивана и похолодел... «...Зачем же мы, в самом деле, сюда-то его притащили? Нормален, нормален, только рожка расцарапана...»* Означающее символа заключено в обвинительных словах Бездомного, который назвал Рюхина *сволочью, вредителем, балбесом и бездарностью, типичным кулачком*. Оскорбления попадают в самое сердце Рюхина, и чувство вины потрясает его: *И горе не в том, что они обидные, а в том, что в них заключается правда. 'Вина' — еще одно значение водки, как и в случае с вином Пилата, — включено как компонент в глагольные формы, описывающие состояние Рюхина: похолодеть, терзать, бормотать, отравленный (взрывом неврастении), заболевший (поэт), постаревший*. Авторское значение вины приобретает глагол *исправить*, объясняющий отчаяние и Пилата (*...он что-то безвозвратно упустил, и теперь он упущенное хочет исправить*), и Рюхина: *...пил рюмку за рюмкой, понимая и признавая, что исправить в его жизни уже ничего нельзя, а можно только забыть*. И в том и в другом случае чувство вины становится осознанием потери чего-то самого важного в жизни.

Водка (А) на похмельном столике Лиходеева оказалась во время встречи Степана Богдановича с Воландом и его свитой. Означающее этого символа — градиционный однородный ряд глаголов во фразе Коровьева, называющего проступки Лиходеева: *Вообще они в последнее время жутко свинячат (Б), пьянствуют (Б), вступают в связи с женщинами (Б), используя свое положение (Б), ни черта не делают (Б), да и делать ничего не могут (Б), потому что ничего не смыслят (Б) в том, что им поручено. Начальству втирают очки!* (Б) Обвинительный характер словам Коровьева и Бегмота придает лексика юридических документов, в частности жалоб: *пьянствовать, вступать в связь с женщинами, использовать свое положение*. Однако для свиты вся ситуация — фарс и шутовство, поэтому речь «обвинителей» перемежается просторечными словами и фразеологизмами: *свинячить, ни черта не делать, втирать очки*. Фарсовой является и пародия на Лиходеева — черный

кот со стопкой водки в одной лапе и вилкой, на которую он успел поддеть маринованный гриб.

Винный бассейн на балу у Воланда — гротескный вариант упомянутой выше излившейся на грешников чаши. Эпитет *чудовищный* (размер), метафора *толща вина* усиливают авторскую гиперболу. В одном случае струя хлестала прямо из мраморной стены, а в другом — из пасти огромного Нептуна. Означающее отмечено очень длинным (и в этом смысле тоже гиперболизированным) однородным рядом, перечисляющим грешников на балу: *Маргариту... не заинтересовал ни один из королей, герцогов, кавалеров, самоубийц, отравителей, висельников, сводниц, тюремщиков и шулеров, палачей, доносчиков, изменников, безумцев, сыщиков, растений (Б)*.

8. Спирт (водка) → 'восстановление сил, духа'. Лишь в двух случаях вино в романе является «символом поддержания сил и жизни»¹³. После бала на ужине с Воландом и его свитой Маргарита пьет из стопки спирт, символическое значение которого мотивировано внутренней формой слова: *spiritus* — «дыхание, дух, душа»¹⁴. **Оживившаяся (Б) после водки (А); Живое (Б) тепло потекло по ее животу, что-то мягко стукнуло в затылок, вернулись силы (Б)**, как будто она встала после долгого освежающего сна. То же превращение происходит и с мастером, которого Воланд вернул Маргарите: *Больной взял стакан и выпил то, что было в нем (А), но рука его дрогнула, и опустившийся стакан разбился у его ног*. Автор не называет содержимое, но можно предположить, что это тот же самый спирт-водка, который некоторое время назад пила и Маргарита. Сначала небритое лицо его дергалось гримасой... *Не терзай меня, я тяжело болен... После того как мастер осушил второй стакан, его глаза стали живыми и осмысленными (Б)*. Означающее выражено однородными именными сказуемыми (*стали живыми и осмысленными*), причем второе уточняет смысл первого: *живыми* глаза стали от мыслительной работы, в противоположность предыдущей характеристике: *...он сумасшедшие* пугливо косился на огни свечей. Смысловой диссонанс вносит разбитый стакан, символизирующий

¹³ СБО. С. 140.

¹⁴ Фасмер-1987. Т. 4. С. 735.

смерть мастера (о символе «разбитый сосуд» мы писали выше). Дарованный Воландом мастеру и Маргарите покой мог наступить только через смерть героев.

9. Фалернское вино → 1) ‘смерть’ (Б1); 2) ‘восстановление духа’ (Б2). Фалернское вино — единственный амбивалентный символ. Его выбор объясняет Азазелло: *это то самое вино (А), которое пил прокуратор Иудеи*. Это означало уважение Воланда к роману, но в символическом контексте — смерть. О ней предупреждает *гробовая парча*, в которую был завернут *заплесневелый кувшин*. Означаемое выражено словом *конец*: *Дыхание его перехватило и он почувствовал, что настает конец (Б)*. Умирание мастера передано градацией света: сначала свет только исчезал *перед грозой*, потом начал *гаснуть* и, наконец, *все окружающее мастера в подвале окрасилось в черный цвет*. Интересно, что чернота характеризует не только потерю зрения, но и цвет фалернского вина, как его описывал Марциал: *И от фалерна у нас черным бы делался снег; То вдруг амфору подай с отстоявшимся темным фалерном* [Марциал 1968: 254, 327]. В «Пире мудрецов» Афиной упоминает, что в результате долгого хранения фалернское вино превращается в яд и сразу же вызывает потерю сознания [Афиной 2003: 47], а подарок Воланда был двухтысячелетней выдержки. Выпитые вторично капли вина преобразуют бессмертный дух героев: *Маргарита вздохнула, стала подниматься (Б); мастер поднялся, огляделся взором живым и светлым (Б)*.

Рыба. Рыба — древнейший антропоморфный символ, в языческих верованиях славян относилась к существам нижнего, водного, мира. Именно поэтому она была наделена хтонической символикой, обозначая душу умершего или нерожденного человека¹⁵. Так, в рязанской загадке жареная рыба отождествляется со смертью: *Верть, верть, / На черепочке смерть* [Садовников 1995: 87]. В псковской загадке о рыбе упоминаются дети: *Гнезда не заводит, / А детей выводит* [Там же: 249]. В ветхозаветных текстах рыба символизирует души людей, ждущих Божьего суда;

в новозаветных — души верующих в учение мессии, где невод — Царствие Небесное¹⁶. В лексико-семантическую группу «Рыба» входит 6 слов с корнем *-рыб-* и 37 видовых номинаций. Некоторые из них — названия изысканных ресторанных блюд: *порционные судачки, стерлядь кусками, осетрина, селедка, балычок (балык, метафора балыковые бревна), семга, лососина, карась*.

1. Рыба в Грибоедове и Торгсине → 1) ‘душа грешника’; 2) ‘порок’. Наибольшее количество номинаций рыбы встречается в описании ресторана Грибоедова и валютного магазина Торгсин. Грибоедов, сосредоточие всех благ и предмет зависти, имеет символическое значение Рая. Этот подтекст вносится изображением пойманного карася на одной из вывесок (‘рыба как душа в Царствии Небесном’): *На дверях первой же комнаты... виднелась крупная надпись «Рыбно-дачная секция», и тут же был изображен карась (А1), попавшийся на удю*. Только «рыбаком» этих душ-карасей является вовсе не Иисус, а Арчибальд Арчибальдович — директор ресторана, которого М. А. Булгаков характеризует словами, объединяющимися в текстовую тематическую группу «Мореплаватель»: *капитан, пират, флибустер, командир брига*. Сам ресторан Грибоедова автор четыре раза называет *бригом*, который Арчибальд Арчибальдович покидает последним. Он держит под мышкой два *балыковых бревна* — деталь, дублирующая символический смысл ‘душа’, скрытый в упомянутом выше предложении о карасе.

Вернемся к вывескам Грибоедова, перечисляющим блага, доступные писателям: творческий отпуск с названиями курортов и туристических достопримечательностей, квартира, бильярд и — как апофеоз — лучший в Москве ресторан. На символическую Царствия Небесного указывает название фокстрота «Аллилуйя», который был популярен в 1920–1930 гг. и который оркестр Грибоедова играет непосредственно перед известием о гибели Берлиоза. В булгаковском архиве сохранились ноты этого фокстрота¹⁷.

¹⁵ Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. С. 505.

¹⁶ СБО. С. 1017–1018.

¹⁷ Соколов Б. В. Указ. соч. С. 191.

Однако символическое значение 'Царствие Небесное' оказывается фарсовым и приобретает значение — 'ад': *Словом, ад. И было в полночь видение в аду.* Кроме слова *ад*, на это значение указывают еще три детали. Во-первых, в личности Арчибальда Арчибальдовича есть нечто демоническое. Например, от слов директора ресторана *ну что с тобой сделать за это швейцар* так испугался, что *кожа на лице... приняла тифозный оттенок, а глаза помертвели.* Кроме того, Арчибальд Арчибальдович один понял, кто такие клетчатый и кот, и (не боясь пожара!) последним покинул здание. Во-вторых, оркестр играл один и тот же фокстрот и в Грибоедове, и на балу у сатаны, причем в обоих случаях ровно в полночь. В-третьих, описание блюд Грибоедова приходится на Страстную неделю, когда требовалось соблюдать строгий пост.

Особым антропоморфным значением наделен *рыбец* (А), который ест Рюхин, вернувшийся потрясенным из психбольницы, куда отвозил Бездомного. *Рыбец* — повинная душа самого Рюхина. Означающее *рыбец* обыгрывается имплицитным прямым значением слова *глотать*, описывающего состояние героя: *Поэт... стал что-то бормотать, нить, глотаю самого себя* (Б). В переносном значении *глотать* здесь — 'мучить, терзать (о чувствах)'¹⁸. *Рыбец* можно назвать дублиром вышеупомянутого символа *карась*, поскольку оба вида относятся к лучеперым рыбам из семейства карповых и ведут схожий образ жизни.

Как и Грибоедов, Торгсин — место «ловли» человеческих душ. Но если символика ресторана связана с чревоугодием, то Торгсин ассоциируется со стяжательством. Этот грех символически передан в эпизоде с лососиной: *Острейшим ножом, очень похожим на нож, украденный Левием Матвеем, он снимал с жирной плачущей розовой лососины (А) ее похожую на змеиную с серебристым отливом шкуру.* Именно слова *снимал* и *шкуру* воспроизводят в памяти читателя фразеологизм *снять шкуру* со значением 'жестоко обходиться, не щадить'.

Значение фразеологизма косвенно продублировано в фарсовой «речи» Коровьева: *... он, видите ли, в парадном сиреновом костюме, от лососины весь распух, он весь набит валютой, а нашему-то, нашему-то?! Другая деталь также подтверждает сказанное: М. А. Булгаков сравнивает нож продавца лососины с ножом Левия Матвея, поскольку тот раньше был сборщиком налогов и сам выступал от лица власти, снимая последнюю шкуру с народа.*

Еще один скрытый фразеологизм транслирует антропоморфное значение символа «рыба» — *как сельди в бочке* (о большом скоплении людей). Люди (Булгаков не раз назвал их собирательным существительным *публика*) толпились у дверей магазина и внутри: *Сзади уже напирала и сердилась публика; Публика из ситцевого отделения повалила на этот крик; Публика стала окружать негодяев; Публика, сразу подняв отчаянный крик, шарахнулась из кондитерского назад.* Компонент фразеологизма *сельди* обыгран в двух эпизодах. Первый — поедание Бегемотом керченской бочковой селедки. Второй — когда *толстяк, беляя, повалился навзничь и сел в кадку с керченской сельдью* (А), выбив из нее *фонтан селедочного* (А) *рассола*. И в том и в другом случае селедка — символ человеческих душ, одержимых стяжательством.

2. *Селедка с зеленым луком Босого* → 1) 'Босой'; 2) 'порок'. Как и в предыдущем эпизоде, *селедка* — антропоморфный символ самого героя. Такая незначительная, на первый взгляд, деталь, как *зеленый лук*, которым была *густо посыпана* селедка, оказывается метафорой валюты, найденной службами в вентиляции сортира: *в пачке оказались не рубли, а неизвестные денги — не то синие, не то зеленые.* Порок, за который наказан Босой, озвучен чуть раньше Воландом: *Он — выжига и плут* (Б). Обвинительную ноту в предложение вносит авторское тире.

3. *Осетрина второй свежести* → 'рак и смерть Сокова'. Этот символ дублирует описанное выше значение символа «пролитое вино». Не понимая символического контекста, буфетчик удивлен, зачем вообще «артист» упомянул осетрину: *...я не по этому делу, и осетрина (А) здесь ни при чем...* Ответ Воланда вносит еще больше недоумения: *То есть, как это ни при чем, если она*

¹⁸ Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. 4-е изд. М., 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. (дата обращения: 23.10.2022) (Словарь-1999).

испорчена. Слова *испорчена* и *тухлая* имеют диффузное значение и характеризуют не только осетрину, но и обреченного буфетчика.

Мясо и птица. К группе «Мясо» относится 11 словоформ лексемы *мясо* и 11 – с корнем *-кур-*. Слово *филейчики* встречается 5 раз. По одному разу упомянуты блюда ресторана: *фляки господарские, куриные котлеты де-воляй, перепела по-генуэзски, дупеля, гарнишпы, бекасы, вальдишпы, кулики, дрозды*.

В Библии означающее ‘мясо’ имеет те же значения, что и еда (питье) вообще. 1. ‘Божья забота’ (то же значение и символа «вино»). 2. ‘Жертва’: в Ветхом Завете в основном речь идет о жертвенных домашних животных и птицах, в Новом Завете жертвой является Христос («Как овца, веден Он на заклание» (Деян. 8:32)). 3. ‘Человек, его душа’ – символическое значение, наиболее характерное для означающего ‘птица’, например: «Как охотничья птица в западне, таково сердце надменного...» (Сир. 11:30). Заметим, что в романе есть очень похожая фраза про Иуду, у которого за секунды до смерти *сердце (Б) стало прыгать, как птица (А) под черным покрывалом*. Другое библейское высказывание («Как птица, покинувшая гнездо свое, так человек, покинувший место свое» (Притч. 27:8)) также имеет аналог в романе: *Сонная и странная личность (Б) улетела из дому, как птица (А), не оставив по себе никакого следа*.

1. Мясо на столе жителей Ершалаима, на обеде Пилата и Афрания, обеде и ужине у Воланда → ‘жертва’. Во всех упомянутых эпизодах *мясо* имеет значение принесенной жертвы. Однако в каждом случае М. А. Булгаков варьирует прямое («предмет или живое существо, приносимые в дар божеству») и переносное значение жертвы («тот, кто пострадал или погиб от какого-либо несчастья»)¹⁹. Причем второе значение писатель связывает как с жертвой Христа, так и с любой другой человеческой жертвой – например, Иудой. Так, мясо годовалого козленка на столе жителей Ершалаима в пасхальную ночь важно рассматривать и как традиционную праздничную жертву (прямое значение), и как убийство Иуды, столь важное для

совести Пилата (переносное). Мясо, которое едят Пилат и Афраний, символизирует не только жертву Христа, но и гибель Иуды: *Красная лужа была затерта, убраны черепки, на столе дымилось мясо (А)*.

Мясо на столе у Воланда также имеет значение ‘жертва’. Но это иная жертва иному божеству – сатане. Буфетчик и наблюдал, как Азazelло (демон-убийца!) жарил мясо, и ел его: *...прожевывая душистое, сочное мясо (А), буфетчик едва не подавился и не упал вторично*. Причина тому – сова, «отметившая» крылом Сокова, – птица, которая у многих славян символизировала смерть. Более того, в разных фольклорных текстах сова в загробном Вырии – судья всех птиц, которые должны ей отчитаться о своих добрых и злых делах [Гура 1997: 568].

На ужине мессира мясо ела и Маргарита: *Маргарита упиалась текущим из него соком*. И в этом эпизоде мясо символизирует жертву, на которую пошла Маргарита ради любви, став ведьмой и отдав душу дьяволу. Как и в предыдущих примерах, мясо символизирует смерть героя: и мастера, и Маргариту после встречи с сатаной настигнет физическая смерть.

2. Дичь в Грибоедове, курица → ‘мертвый человек и его душа’. В контексте символического значения Грибоедова как ада многочисленные названия блюд из дичи реализуют антропоморфное эсхатологическое значение ‘души грешников’. Наиболее показателен эпизод, в котором один из гостей, узнав о смерти Берлиоза, вернулся к своему столику, выпил и закусил: *В самом деле, не пропадать же куриным котлетам де-воляй? (А) Чем мы поможем Михаилу Александровичу? (Б) Котлеты де-воляй символизируют умершего Берлиоза, который за несколько минут до своей смерти видел Коровьева с ушками... как куриные перья (А)*.

Слово *курица* не раз встречается в эпизоде изгнания из квартиры № 50 дяди Берлиоза: Поплавский и брошенная вслед за ним жареная курица совершают одинаковое действие, названное глаголами *полетел* и *пропрыгала*: *Поплавский (Б) полетел вниз по лестнице, держа в руках паспорт; Мимо него пропрыгала безногая курица (А) и свалилась в пролет... Два последовательных предложения связаны семантическим параллелизмом, соединяющим означаемое*

¹⁹ Словарь-1999.

Поплавский и означающее *курица*. Небольшая деталь только подчеркивает символическое значение 'мертвый человек': нога курицы осталась в руках Азazelло и была обглодана, а потом положена в карман. Ключом к этой детали являются «рыдания» Коровьева о том, как именно трамвай раздавил Берлиоза: *Начисто! Я был свидетелем. Верите — раз — голова прочь! Правая нога — хрусть, пополам! Левая — хрусть, пополам!* И обглоданная куриная нога, и рассказ Коровьева — угроза быть убитым. Именно это понял Поплавский, торопясь на вокзал: *Не думая больше ни о покойном племяннике, ни о квартире, содрогаясь при мысли о той опасности, которой он подвергся.*

Первое блюдо. В ветхозаветном контексте похлебка фигурирует прежде всего в притче о неразумном Исае, который отказывается от первородства в пользу Иакова, обменяв это право на чашу похлебки (см. Быт. 25)²⁰. В притче она символизирует испытание характера: сила, богатство и почет, сопровождающие первородство, были обесценены и отданы ради удовлетворения сиюминутного голода. Смысл этого библейского сюжета важен для понимания зависти сатаны к человеку, чью бессмертную душу благословил Бог-отец, даровав ему свободу выбора и свое подобие. Христа как сына Божьего в Библии не раз называют первородным между братьями и наследником всего (Евр. 1:2). Апостол Павел внушал верующим, что отвергнувший честь первородства человек лишается божьего благословения и благодати (Евр. 12:16).

Суп в романе представлен двумя номинациями — *суп* и *борщ*. Это блюдо связано в тексте с отравительницей Тофаной, вором-буфетчиком, взяточником-управдомом и, вероятно, является аллюзией знаменитой библейской притчи. Алчность персонажей — своего рода предательство «первородства». Первое блюдо в их жизни неразрывно связано с болезнью и смертью. Так, о *какой-то воде в пузырьках*, которую продавала итальянка Тофана, рассказывает на балу сатаны Коровьев: эту воду-яд жены добавляли в суп и травили своих мужей.

Суп заблешего раком Сокова упоминается в эпизоде посещения профессора Кузьмина, который посоветовал ничего

не солить (*Даже суп (А) не солить?*). Здесь следует подвести черту под всеми эсхатологическими символами, столь плотно окружающими буфетчика Сокова: и разлитое вино, и съеденное мясо, и сова, и разговор о тухлой осетрине, и упоминание о супе — символы-дублиеры, предрекающие герою печальный конец.

Борщ предсказывает не только болезнь управдому Босому, получившему контракт с баснословными суточными и навязанную Коровьевым взятку, но даже и диагноз. Особое значение имеет такая деталь, как мозговая кость: *Никанор Иванович разливательной ложкой поволок из огнедышащего озера ее, кость (А), треснувшую вдоль*. Слово *мозговая* имеет диффузное значение: помимо прямого смысла ('говяжья суповая кость') в символическом контексте возникает и антропоморфное — 'болезнь мозга Босого'. Автор указывает сразу на два недуга Никанора Ивановича — инсульт и шизофрению. Первый называет Коровьев: *То ли бывает, Никанор Иванович!.. Рассеянность, рассеянность, переутомление и повышение кровяного давления!* (Б) Признаки инсульта М. А. Булгаковым щедро разбросаны по тексту: *управдома, как удар (Б),хватила мысль о проникновении в квартиру переводчика; Босой посинел лицом (Б); в глазах у Никанора Ивановича потемнело (Б); Никанор Иванович разглядел неясно, перед глазами у него плавали какие-то пятна (Б); перед глазами как-то мутилось от приливов крови (Б)*. Отголосок того, что Босой лишился божьего заступничества, слышен на допросе управдома, который просил Бога о защите, цитируя отрывки молитв: *Бог истинный, Бог всемогущий! ... Господь меня наказует за скверну мою; герой крестил воздух и просил окропить помещение*. Второй диагноз настиг Босого уже в клинике Стравинского, где во сне ему приснился суп в миске, в которой *одиноко плавал капустаный лист* и которая по мере пробуждения героя превращалась в тарелочку, накрытую марлей, с лежащим на ней шприцем. Сопоставим содержимое трех тарелок управдома: *мозговая кость — капустаный лист — шприц*. Перед нами своего рода символическая градация, рассказывающая не только о развитии болезни героя, но и о его судьбе в целом.

Выводы. Итак, пищевой код «Мастера и Маргариты», выраженный номинациями вина, водки, рыбы, дичи и первого блюда,

²⁰ СБО. С. 875.

является системой слов со следующими символическими значениями эсхатологического характера:

- 1) ‘болезнь или смерть’;
- 2) ‘порок’;
- 3) ‘жертва’;
- 4) ‘человек или его душа’.

Все символические значения (означаемое Б) так или иначе вербализованы в виде языковых единиц разного формата — от слова до синтаксической конструкции. Важно, что в романе функционируют не просто одиночные символы еды.

Это целая система символов-дублеров, чье означающее многократно варьируется в разных словах с общей семой ‘еда’, а означаемое остается общим. В представленной ниже таблице систематизированы дублирующие символы еды с указанием тех персонажей и деталей, которые отмечены авторской характеристикой: 20 означающим (А) из разных лексико-семантических групп с архисемой ‘еда’ соответствует только 4 символических значения, конкретизированных в той или иной мере.

Таблица

Система дублирующих символов пищевого кода романа

Table

Novel Food Code Duplicate Character System

А	Б ‘болезнь или смерть’
вино мастера перед сжиганием рукописи	болезнь мастера
пролитое буфетчиком вино, осетрина второй свежести	рак и смерть Сокова
цекусское вино Пилата и Афрания, вино жителей Ершалаима в Пасху	смерть Иуды
вино на балу в чаше Маргариты	прах гостей на балу сатаны
фалернское вино	смерть мастера и Маргариты
кровавая лужа вина Пилата	смерть Иешуа
суп Сокова, борщ Босого, суп Тофаны	рак и смерть Сокова, инсульт и шизофрения Босого, отравление неаполитанских мужей
А	Б ‘человек и его душа’
рыба в Грибоедове и Торгсине	душа грешника (писатели)
рыбец Рюхина	душа Рюхина
осетрина второй свежести	буфетчик Соков
дичь в Грибоедове, курица Поплавского	писатели, Берлиоз и Поплавский
А	Б ‘порок’
водка Рюхина, Лиходеева, Босого, винный бассейн на балу	порок
рыба в Грибоедове и Торгсине	чревоугодие писателей и иностранцев
селедка с зеленым луком Босого	алчность Босого
кровавая лужа вина Пилата	трусость Пилата
А	Б ‘жертва’
вино-кровь Майгеля	жертва сатане
вино жителей Ершалаима	Иуда как жертва Пилата
мясо козленка на столе жителей Ершалаима, мясо на обеде Пилата и Афрания, мясо на трапезе у Воланда	пасхальная жертва, Иуда как жертва, Иешуа как жертва, душа человека как жертва сатане

Помимо символического дублирования М. А. Булгаков использует и другие приемы маркирования языковых единиц, несущих символический смысл, в частности:

- а) диффузные слова (например, *тухлый, испорчена, мозговая, глотать*);
- б) скрытые в тексте фразеологические единицы (*как сельдь в бочке, сдирать кожу*);

в) градационные однородные ряды (чаще всего когда назывались грешники или их пороки);

г) семантический параллелизм предположений, как правило связанных причинно-следственными отношениями (*Поплавский полетел вниз; курица пропрыгала*);

д) антропоморфные детали блюда (оторванная нога жареной курицы Поплавского, треснувшая мозговая кость в борще Босого);

е) библейские аллюзии на тему еды (карась на крючке, жертвенный козленок, опрокинутая чаша и др.).

Такая продуманная символическая система передает главный смысл приезда Воланда в Москву — наказание порока, когда *каждому будет дано по его вере*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афинея*. Пир мудрецов / пер. Н. Т. Голинкевича; под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 2003. 656 с.
2. *Гудков Д. Б., Ковшова М. Л.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 287 с.
3. *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
4. *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
5. *Карасик В. И.* Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. 2009. № 10(44). С. 4–11.
6. *Красных В. В.* Предметный код культуры в русском культурном пространстве // Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.) / сост. Н. К. Онипенко. М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 146–148.
7. *Лотман Ю. М.* К проблеме типологии культуры // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 198. Труды по знаковым системам. Т. 3. Тарту, 1967. С. 30–38.
8. *Марциал Марк Аврелий*. Эпиграммы. М.: Художественная литература, 1968. 487 с.
9. *Пименова М. В.* Коды культуры и проблемы классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь, 2007. С. 79–85.
10. *Поздняева Т.* Воланд и Маргарита. СПб.: Амфора, 2007. 446 с.

11. *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа: сб. загадок, вопросов, притч и задач. М.: Современный писатель, 1995. 400 с.

12. *Толстая С. М.* К понятию культурных кодов // Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина. Серия: Studia Ethnologica. СПб., 2007. С. 23–31.

13. *Толстой Н. И.* Из «грамматики» славянских обрядов. Типология культуры. Взаимное воздействие культур // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 576. Труды по знаковым системам. Т. 15. Тарту, 1982. С. 57–71.

14. *Флоренский П. А.* Итоги // Эстетические ценности в системе культуры. М. [б.и.], 1986. С. 122–132.

15. *Халикова Н. В.* Формальная и семантическая структура словесного образа «ветер дует» в текстах произведений И. А. Бунина // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 51–59. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-4-51-59>.

16. *Якушевич И. В.* Лингвокогнитивная типология символов // Вестник российского ун-та дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2012. № 4. С. 5–13.

17. *Якушевич И. В.* Энантисемия в лексико-семантической структуре символа // Вестник Иркутского лингвистического ун-та. Иркутск, 2012. Т. 2(19). С. 72–77.

REFERENCES

1. *Athenaeus*. Deipnosophistae / Trans. by N. T. Golinkevich; M. L. Gasparov (ed.). Moscow: Science, 2003. 656 p. (In Russ.)
2. *Gudkov D. B., Kovshova M. L.* The body code of Russian culture: materials for the dictionary. Moscow: Gnosis, 2007. 287 p. (In Russ.)
3. *Gura A. V.* Animal symbolism in Slavic folk tradition. Moscow: Indrik, 1997. 912 p. (In Russ.)
4. *Zhinkin N. I.* About code transitions in inner speech. *Voprosy jazykoznanija = Topics in the study of language*. 1964;6:26–38. (In Russ.)
5. *Karasik V. I.* Concept as a unit of linguocultural code. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2009;10(44):4–11. (In Russ.)
6. *Krasnykh V. V.* The object code of culture in the Russian cultural space. *Rusistika na poroge XXI veka: problemy i perspektivy: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 8–10 iyunya 2002 g.) = Russian Studies on the threshold of the XXI Century: Problems and prospects: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, June 8–10, 2002) / Comp. by N. K. Onipenko*. Moscow:

Russian Language Institute of RAS. 2003. P. 146–148. (In Russ.)

7. Lotman Yu. M. Regarding the typology of culture. *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. un-ta. Vyp. 198. Trudy po znakovym sistemam. T. 3 = Scientific Notes of the Tartu State University. Issue 198. Works on semiotics. Vol. 3.* Tartu, 1967. P. 30–38. (In Russ.)

8. Marcus Valerius Martialis. Epigrams. Moscow: Fiction, 1968. 487 p. (In Russ.)

9. Pimenova M. V. Cultural codes and problems of concept classification. *Yazyk. Tekst. Diskurs: nauchnyi almanakh Stavropolskogo otdeleniya RALC. Vyp. 5 = Language. Text. Discourse: scientific almanac of Stavropol branch of RALC. Vol. 5.* / G. N. Manayenko (ed.). Stavropol, 2007. P. 79–85. (In Russ.)

10. Pozdnyayeva T. Volland and Margarita. Saint-Petersburg: Amfora, 2007. 446 p. (In Russ.)

11. Sadovnikov D. N. Riddles of the Russian people: a collection of riddles, questions, parables, and problems. Moscow: Modern Writer, 1995. 400 p. (In Russ.)

12. Tolstaya S. M. On the concept of cultural codes. *Sbornik statei k 60-letiyu A. K. Bayburina. Seriya: Studia Ethnologica = Collection of articles for the 60th anniversary of A. K. Bayburin. Series:*

Studia Ethnologica. Saint-Petersburg, 2007. P. 23–31. (In Russ.)

13. Tolstoy N. I. From the "grammar" of Slavic rituals. The typology of culture. Reciprocal influence of cultures. *Uchenye zapiski Tartuskogo gos. un-ta. Vyp. 576. Trudy po znakovym sistemam. T. 15 = Scientific Notes of the Tartu State University. Issue 576. Works on semiotics. Vol. 15.* Tartu, 1982. P. 57–71. (In Russ.)

14. Florensky P. A. Results. *Esteticheskie tsennosti v sisteme kul'tury = Aesthetic values in the cultural system.* Moscow: [s.n.], 1986. P. 122–132. (In Russ.)

15. Khalikova N. V. Formal and semantic structure of the artistic image "The Wind Blows" in I. Bunin's fiction. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology.* 2020;4:51–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-4-51-59>.

16. Yakushevich I. V. Lingvokognitive typology of symbols. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika = Russian Journal of Linguistics.* 2012;4:5–13. (In Russ.)

17. Yakushevich I. V. Enantiosemy in the lexical-semantic structure of the symbol. *Vestnik Irkutskogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Irkutsk Linguistic University.* 2012;2(19):72–77. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ирина Викторовна Якушевич, доктор филологических наук, профессор

Irina V. Yakushevich, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 31.10.2022; одобрена после рецензирования 27.12.2022; принята к публикации 15.01.2023.

The article was submitted 31.10.2022; approved after reviewing 27.12.2022; accepted for publication 15.01.2023.